

нятое Арагонским домом; но когда Карл Арагонский умер, он передал королевство Людовику, и за это-то право стал Карл. Обстоятельства были благоприятны. <Италия была разбита на множество отдельных государств>. В Северной Италии герцогство Миланское, самое могущественное, не могло противопоставить препятствий. Дядя и опекун <малолетнего герцога> Людовик Моро сам приглашал короля, боясь испанцев. В этом Людовике мы видим представителя тогдашней итальянской хитрой и бессовестной политики: общего итальянского патриотического чувства в нем не было. Всякое средство казалось ему дозволенным. Он был настоящий итальянец своей эпохи. Умный, образованный, ловкий, смотревший на призываемых французов как на варваров, с презрением. На задней стене своего дворца^а он сам был представлен в виде хозяина^б, около него бродили galli, в руках у него была метла^в. Но он значительно ошибся в расчете. Впрочем, не один он приглашал Карла VIII. Целая толпа итальянских эмигрантов, выгнанная отсюда смутами, приглашала Карла. Этим неосторожным^г требованием они^д на несколько веков подчинили Италию иностранным племенам.

В 1494 г., осенью, 24-летний Карл двинулся в поход. У него было около 60 000 войска; впрочем, через Альпы он перешел, имея не более 40 000. Это было превосходное войско, составленное из французской gendarmerie, из швейцарской пехоты и британских стрелков. Современник этого движения итальянец Павел Иовий описывает пестроту оружия этого войска и говорит о походе, как писатели времен Римской империи описывали варваров; так точно все итальянцы смотрели на французов. Но французы в свою очередь смотрели на итальянцев не без зависти, ибо сознавали их превосходство, и не без презрения, ибо не встречали нигде сопротивления. Через Медолан они прошли беспрепятственно. Когда они заняли Тоскану, Петр Медичис^е поспешил заключить с ними постыдный мир, уступив все важные крепости французам; они заняли Флоренцию, но здесь встретились с итальянским патриотизмом. Карл VIII думал, колебался еще, какое правительство поставить во Флоренции, выгнать ли Петра Медичиса, оставить ли его или дать правление французским чиновникам. Тогда ему сказал Пьетро Капони, один из высших сановников Флоренции: «Если так, велите ударить в трубы, мы ударим в колокола и будем биться». Король^ж принужден был удалиться и оставил^з право Флоренции

^а В II далее: находилось аллегорическое изображение (л. 52).

^{б-в} Там же: птичника, множество петухов вокруг него, он кормит их, но в руках его метла, которой он может выгнать их тотчас (л. 52 об.).

^{г-д} Там же: преступным желанием вмешивать иностранцев в дела своего отечества (л. 52 об.).

^е Там же далее: наследник Лаврентия, не имевший дарований (л. 53).

^{ж-з} Там же: Французы не решались на сражение в узких улицах города и выступили, оставив (л. 53).